

Литература

1. Вилюнас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций // Психология эмоций. Тексты. – М., 1984.
2. Ивин А.А. Основания логики оценок. – М., 1970.
3. Кожина М.Н. О языковой и речевой экспрессии и ее экстралингвистическом обосновании // Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов-на-Дону, 1987.
4. Лукьянова Н.А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Сб. науч. тр. Вып. 5. – Новосибирск, 1976.
5. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. /Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна/. – М., 1997.
6. Ретунская М.С. Аксиологическая лексика английского языка. – Нижний Новгород, 1996.
7. Солодуб Ю.П. Структура лексического значения // Филологические науки. – 1997. – №2.
8. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М., 1975.
9. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка /Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства/. – М., 1985.
10. Телия В.Н. О различии рациональной и эмотивной (эмоциональной) оценки // Функциональная семантика: Оценка, экспрессивность, модальность. – М., 1996.
11. Филиппов А.В. К проблеме лексической коннотации // Вопросы языкознания. – 1978. – №1.
12. Харченко В.К. Взаимодействие коннотативных признаков, созначений в семантике слова // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. – Воронеж, 1983.
13. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991.
14. Шаховский В.И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантических категорий лингвистики // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. – Рязань, 1975. Вып. 2.
15. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987.
16. Шаховский В.И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции. – Волгоград, 1995.

Теория текстовых напряжений и художественная проза С.Н. Есина

В.К. Харченко

Наблюдения над идиостилем писателя или поэта дают возможность выявить не только индивидуальные характеристики творческой манеры художника слова, но и нарождающиеся в художественной ткани стилистические феномены, предвестником, инициатором, а подчас и первым глашатаем которых становится тот или иной писатель, поэт. Так, вне художественной прозы современного писателя Сергея Николаевича Есина мы вряд ли бы поставили вопрос о выделении стилистической категории плотности текста. Плотность понимается как сверхинформативность, отсутствие "пустот" в языковой форме. Языковая форма становится заметной, "видимой", слегка завораживающей, то пародийной, интригующей, то, напротив, пафосной, высокой. Внимание читателя приковывает если не каждое слово, то каждое предложение. Создается эффект насыщенной языковой формы, сохраняющей, однако, статус формы, не превращающейся в монстра, мешающего восприятию текста.

Плотностью повествования в творчестве С.Н. Есина отличаются романы "Имитатор", "Соглядатай", "Гладиатор" и в еще большей степени роман-антиутопия "Казус, или Эффект близнецов".

Раскрытию категории плотности в художественном творчестве С.Н. Есина мы посвятили книгу (М.: Современный писатель, 1998. – 240 с.). Теперь остановимся на том, чего в книге нет, что не включено в предыдущий анализ.

С.Н. Есин – писатель, лингвистически весьма интересный не только художественной разработкой стилистической категории плотности текста. С.Н. Есин как писатель лингвистически интересен и разработкой методики текстовых напряжений своей интеллектуальной (подчеркнем это слово!) прозы.

Проблема текстового напряжения была сформулирована еще В. Гумбольдтом. Развивали эту концепцию в своих исследованиях В.И. Постовалова (1, с.81), С.В. Куликов. Статья С.В. Куликова носит весьма красноречивое название "Текст как иерархическая система напряжений" (2, с.100-112).

Метафорический термин "текстовое напряжение" не требует пояснений – он достаточно прозрачен, но вместе с тем он подразумевает, предполагает, провоцирует анализ предпосылок, условий, причин текстового напряжения, по-видимому, различных для различных жанров и типов повествования, участков текста, идиостилей. С одной стороны, писатель апеллирует к уже готовому набору инструментов создания текстового напряжения, с другой стороны, сам выбор инструмента и настройка, шлифовка, оттачивание его весьма и весьма индивидуальны.

С.Н. Есин прославился прежде всего как автор романов. Хотя писатель создал целые серии рассказов, несколько повестей, есть у Есина многочисленные газетные публикации, очерки, но главная жанровая плоскость, на которой проявился талант писателя, – это, конечно, роман.

Текстовые напряжения интеллектуальной прозы создаются за счет подчеркнутой избыточности языковых средств. Здесь Есин идет как бы наперекор весьма распространенной в лингвистике 60- 70-х годов теории экономии языковых средств, ставшей своеобразным методологическим клише при интерпретации редактуры художественного текста, при выявлении причин изменений в лексической системе языка, при трактовке процессов, происходящих на различных уровнях языковой системы.

Пародийно эта теория изображена в самом лингвистическом из романов писателя, в романе "Казус, или Эффект близнецов" как теория Словарной Избыточности.

"Собственно, именно эта теория и производные, полученные из нее для других отраслей деятельности, стали основой всего гуманитарно-идеологического строя общества. Простенькая изначальная мысль, что, к примеру, десяток синонимов к слову *хороший* – неплохой, недурной, недурственный, славный, добрый, ладный, стоящий, важный, важнецкий, мировой, хоть куда, что надо, на большой, на ять и тому подобное, совершенно не нужно в обиходе. Эти синонимы являются некоей буржуазной и мещанской роскошью повседневного общения. Они избыточны. Но тогда ведь их можно ликвидировать? Простенькая эта мысль стала фундаментом аскетических –преобразований в обществе".¹

С.Н. Есин блестяще пародирует эту теорию в романе, но более того, он всем своим богатейшим лексиконом показывает, как необходимы человеку в целях максимально точной интерпретации внутреннего и окружающего мира все слова: термины и идеонимы, экзотизмы и диминутивы, архаизмы, историзмы, не говоря уже об общеупотребительной лексике.

Богатство словаря, обилие обозначений психологически необходимо человеку. Идея писателя совпадает с мнением ученых психологов: "Мнение о том, что для лексикона человека более типична избыточность, чем следование принципу когнитивной экономии, поддерживают и другие авторы... Не экономичная с точки зрения "пространства хранения" система может быть более эффективной для процессов восстановления и преобразования информации" (3, с.15).

¹ Цитаты из романов С.Н. Есина приводятся по изданию: С.Н. Есин. Избранное. – М.: ТЕРРА, 1994. – 693 с.

Художественное повествование в идеале должно сразу и запечатлеваться, и запоминаться. Импринтинговая и мнемоническая функции напрямую работают на макрофункцию воздействия, при этом легче и лучше запечатлевается и запоминается лексически насыщенный текст, текст с богатым, красивым и разнообразным словарным ландшафтом.

Приведем два типичных для писателя отрывка (из романа "Соглядатай") с избыточностью плана выражения.

1. Ну, а что было на другом плече этого коромысла? Что, интересно, противостоит диковатой, из феодально-племенных отношений, безмянной гуманности? Что оказалось на рынке человеческих страстей по цене выше? Папочкина щепетильность? Папочкина партийная скромность? Папочкина гордость? И еще целый набор эlegantных моральных цапек, достойных зависти рядового скромного человека: его, папочкино, чувство чести, его достоинство, его возможность высоко и гордо носить голову (Соглядатай, с.494).

2. Разве кто-нибудь отвечает за кого-нибудь? Так зачем же эта мечта, это выжженное на его боку огнедышащее тавро? Но! Но ему, маленькому мальчику, не с кем, как всем мальчикам, не с кем вечерами столярничать, не с кем клеить авиационные модели и вырезать из бумаги каравеллу "Санта-Мария". Ему хочется быть как все. Может быть, даже не отец ему нужен, не мужское организующее начало, не авторитет и защита, не объект любви и преклонения, а чтобы, как у большинства, не было у него отца "врага народа". Тоска по отцу или тоска по другому отцу? (Соглядатай, с.495).

Чем стилистически привлекательны эти отрывки, расположенные на соседних страницах романа? Привлекательны они подчеркнутой избыточностью плана выражения. Не один вопрос – три насыщенных метафорами вопроса звучат в первом фрагменте, и ответ дается не единственный, дается цепочка ответов с их уважительной к мысли незавершенностью, недоговоренностью. Следуют ряды вопросов, ряды ответов, что-то проясняется в оценке ситуации, но напряжение текста не спадает. Во втором отрывке – снова "ряды понимания" (не с кем столярничать..., не с кем клеить... и вырезать из бумаги...). В дальнейшем отрицания еще более нагнетаются: не отец ему нужен, не мужское организующее начало, не авторитет и защита, не объект любви и преклонения. Итоговое вопросительное (!) предложение не снимает драматизма изображаемого, а недоговоренностью, открытостью мысли подчеркивает этот драматизм.

Если же анализировать еще более частные детали отрывков, то можно заметить, как обостряет изложение перифраза "набор эlegantных моральных цапек" в первом примере или союз с восклицанием – во втором, не говоря уже о повторях слов, об акцентных тождествах, ритме градиционных рядов и многом другом.

Писатель показывает, что прочтений даже бытовой, внутрисемейной ситуации может быть великое множество и эти прочтения не всегда противоречивы, они скорее дополняют друг друга, превращая понимание из плоскостного в объемное.

Теперь в этих же отрывках пронаблюдаем, какие слова употреблены в прямых, какие – в переносных значениях. Избыточность возможных форм выражения художественной мысли позволяет С.Н. Есину регулировать текстовый и подтекстовый слой изложения, без постоянного переключения (реле) которых трудно на больших пространствах романов удерживать текстовое напряжение.

Б.С. Кандинский писал о соотношении подтекста и текста: "Широко известен тот факт, что чрезмерно обширный подтекст усложняет изложение и нередко делает устный текст даже плохо воспринимаемым на слух. С другой стороны, слишком небольшой подтекст делает изложение плохо воспринимаемым по другой причине: введение в текст большого количества само собой разумеющихся фактов, связанных лишь

с его событийными линиями, делает изложение слишком банальным и лишенным интереса" (4, с.17).

Итак, с одной стороны, в отрывках: "на другом плече коромысла", "диковатая безымянная гуманность", "рынок человеческих страстей", "выжженное... огнедышащее тавро", "мужское организующее начало" – яркие метафоры или этически значимые слова, тоже с большим подтекстом (гуманность, мужское организующее начало), а с другой стороны, хорошо просматривается в отрывках не подтекстовый, а прямой, текстовый слой: папочкина щепетильность, достойных зависти рядового скромного человека, клеить авиационные модели, вырезать из бумаги каравеллу "Санта-Мария".

Избыточность плана выражения создает эффект текстового напряжения, если опирается на богатство переносных и прямых значений слов, если эстетически выразительными становятся и текст, и подтекст, если художник равно озабочен концентрацией художественных образов и в прямом ряду повествования, и в многочисленных побочных, ассоциативных вертикалях, возникающих при восприятии текста. Творческая манера писателя переключается с теорией семантического ритма как непосредственного вхождения в континуальный поток образов.

Ж.А. Дрогалина и В.В. Налимов считают, что ритм текста может проявляться не только в привычных для нас формах (консонансов и ассонансов, аллитераций и рефренов), но также в гораздо более тонких и скрытых "собственносемантических", если так можно выразиться, формах, порождаемых, например, избытком синонимов, расстановкой логических интервалов и пауз, заострением смысловых антитез и даже наличием в тексте алогизмов и парадоксов" (5, с.299).

Приостановим цитату, чтобы проиллюстрировать алогизмы и парадоксы выписками из романа С.Н. Есина "Казус, или Эффект близнецов".

Кормовой высококалорийной свеклы; преимущества прекрасного обычая особенно не рассуждать; праздничные комбинезоны; энтузиазм народа в отношении собственного терпения, эстетическая красота выборов; с прикладами из резины и эластичных, лечебных сортов пластмассы.

"Изобилие синонимов" также свойственно интеллектуальной прозе С.Н. Есина. "В лингвистической литературе отмечается, что высоко эмоциональные или личностно значимые понятия имеют тенденцию порождать целые кусты синонимических слов, отличающихся смысловыми нюансами... Эмоции (эти своеобразные "мутации", по выражению П.В. Симонова) увеличивают вариативность значений. Размывание же смыслового содержания понятия требует, очевидно, и большего числа поверхностных форм (лексем) для обозначения вновь появившихся смысловых нюансов" (6, с.61).

Получается двойная зависимость: эмоционально значимые слова порождают синонимические ряды, а те в свою очередь усиливают эмоциональность слов за счет создания семантического ритма текста.

На одной только странице романа "Соглядатай" (с.497) мы насчитали 8 рядов контактно расположенных узуальных синонимов:

- ...моральную фору, защиту
- ...начало эпизода, старт
- ...убыстряет шаг, догоняет
- ...это не сон, не наваждение
- ...не даст в обиду, вытрет слезы
- ...уклончивого многозначительного ответа
- ...к клубку обид и психических комплексов
- ...сообразования своего шага с походкой взрослого человека.

На той же странице находим дистантно размещенные синонимы и контекстуально синонимические ряды:

- ...мальчонка – мальчик – мальш
- ...сирота – "сын полка"
- ...зыбкий – туманный
- ...сумка – портфель
- ...кадр – "кинокартинка" – картинка
- ...идуший – ступающий
- ...угнездиться – упаковаться
- ...родной – близкий
- ...театральный эффект – иллюзия.

Может быть, страница 497 случайна, не характерна для творческой манеры Есина? Нет, откроем другую страницу романа (557) и найдем едва ли не большую плотность контактной синонимии:

- ...о телепатии, о силе внушения
- ...здесь, рядом, под боком
- ...правдолюбец, правдоискатель
- ...живой, непридуманный
- ...осмотрены и проверены
- ...попал, вмазал
- ...быстро, не теряя темпа
- ...современное, новейшее
- ...много личного, почти биографического
- ...дело, профессия
- ...точному и правильному
- ...публика, зрители (выписывая эти ряды, в некоторых случаях мы видоизменили графический и грамматический облик слов).

Как видим, у Есина один синонимический ряд почти сразу же сменяется другим, создается повышенный запас прочности запечатления, возникают семантические ритмы, а через них усиливается и текстовое напряжение прозы.

Многие страницы есинской прозы иллюстрируют теорию семантической ритмизации повествования.

Что происходит в результате семантической ритмизации? Ж.А. Дрогалина и В.В. Налимов считают, что "возникает, по-видимому, своеобразный эффект "расширения", "размывания" исходных (обычных) устоявшихся значений слов, "освобождение" этих значений от той их суженности, скованности, "окаменелости", жесткой фиксированности, на которые они роковым образом обречены, входа в контекст обычной, не ритмизированной речи, и которые, добавим мы, необходимы для осуществления речью ее основной (повседневной) коммуникативной роли" (5, с. 299).

Проза С.Н. Есина хорошо демонстрирует снятие с огромнейшего количества значений слов их "окаменелости" (клише повседневного, бытового их использования, но задействованы при этом бывают не только синонимические ряды, смысловые антитезы и парадоксы. Инструментом создания текстового напряжения может быть перевод повествования в настоящее время, как в следующем отрывке из романа "Соглядатай".

"Последний солнечный луч бьет в край незашторенности венецианского окна, сплошь затянутого наледью, – значит, глубокая зима? – и в белую, высокую дверь в

гостиную. Отблеск от двери слепит. За столом женщина: тяжелые, в два кольца, косы вокруг головы, старинный черепаховый гребень, он, Сумаедов, даже чувствует густой незабываемый запах духов фирмы Коти – мама! Отец ходит по комнате в своих мягких сапожках и бренчит серебряным набором на кавказском пояске. Он носит гимнастерку не как дядя Гриша, со стоечкой, а с отложным воротничком, как на портрете Ворошилова, висящем над диваном" (Соглядатай, 639).

Настоящее время создает эффект запечатления. Кстати, роман "Соглядатай" (второе название Эсхатология, или Бег в обратную сторону) – самый кинематографичный из романов С.Н. Есина.

Чтобы почувствовать текстовое напряжение, сопоставим двух равных по популярности современных прозаиков Сергея Есина и Андрея Битова, подобрав близкие по художественной идее отрывки:

"А может быть, и не было быстрых гениев? Может быть, эти гении, эти Рафаэли, запершись в своих мастерских, неделями и годами отработывали композицию и цвет, выверяли форму и ракурсы... Может быть, все, так же, как и я – в поте лица, в напряжении всех духовных сил, в мелком заимствовании у предшественников, – добывали свою великую славу и право быть непогрешимым? А почему тогда столько шедевров у каждого! А у меня, у известного, знаменитого, лишь много портретов и картин" (Имитатор, 202).

"Можно, конечно, сказать, что они были не только великие таланты, но и великие труженики, вот что в трудолюбии мы им уступаем, если уже не в таланте. Но если только предложить современному лучшему выполнить хотя бы объем работы прежнего лучшего, то он, как машина, должен писать с утра до вечера, отказывая себе во всем, однако не уверен, что справится" (А.Битов. Выбор природы. Грузинский альбом. //Книга путешествий. – М.: Известия, 1986, – С.530).

При тождестве основной мысли отрывков разница в степени текстового напряжения налицо и составляющие, инструментарий создания текстового напряжения в первом отрывке: риторические вопросы, синонимические ряды, обращения к прямому смыслу – не только к игре подтекстов.

Сопоставим теперь два других отрывка, тоже близких по содержанию.

Ты же ведь так и не постарела, мамочка. Самая молодая, самая красивая, самая первая. Ты до сих пор тайный идеал не только моих киногероинь, но и моих реальных возлюбленных. Сколько раз я браковал на пробах самых знаменитых актрис, потому что в них не было или твоего медленного всепроникающего взгляда, или твоей пленительной манеры печально, но отчетливо выговаривать слова! Сойди с лодки, мама, и как Христос по водам, приди на помощь мне. Погладь, навеки черноволосая, мою уже седую голову. О, мама-внучка, мама-дочка! (Соглядатай, 519)

...Взгляд мой прикован к другой девочке; только она способна так всему удивляться, только у нее могут быть такие круглые от восторженного ужаса глаза... Мама! Мамочка... Не бойся, ты меня не знаешь... Как же тебе интересно сейчас... Вносят баулы, картонки, коробки, саквояжи... Какой новый дом! Какой большой! Неужели это ты будешь жить в нем, девочка моя?..

(А. Битов. Выбор природы. Грузинский альбом. – С. 596).

По степени текстового напряжения эти два отрывка уже значительно ближе один другому по сравнению с предыдущими. И Есин, и Битов используют весьма похожие приемы создания текстового напряжения

Мы далеки от мысли подгонять под Есина лингвистические теории или, наоборот, стиль Есина подгонять под наработки лингвистов, но тот факт, что есинская манера письма как нельзя лучше иллюстрирует идею текстового напряжения, ритмизации семантики как вхождения в континуальный поток образов, влияние аффекта на семантическую организацию значений, "синонимические обрастания" слов, наконец, теорию иррациональной избыточности языкового знака – это бесспорно.

Приведенные в статье наблюдения подводят к мысли о лингвистичности современного писателя, языковой стихией своих произведений интуитивно вырабатывающего, апробирующего, провозглашающего те идеи, которые уже положены или могут быть положены в основу теорий современной лингвистики. Отслеживая художественную прозу последних десятилетий, лингвисты, полагаем, найдут немало любопытного для уяснения функционирования языка, для постановки равно диагноза и прогноза языкового развития общества.

Литература

1. Постовалова В.И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В.Гумбольдта. – М: Наука, 1982.
2. Куликов С.В. Текст как иерархическая система напряжений // Общение: структура и процесс. – М., 1982. – С.100-112.
3. Забродин Ю.М., Зинченко В.П., Ломов Б.Ф. Анализ структуры и организации памяти / Вступительная статья: Р.Аткинсон. Человеческая память и процесс обучения. – М., 1980. – С.15.
4. Кандинская Б.С. Об одной концепции подтекста // Общение: структура и процесс. – М., 1982. – С.11-21.
5. Дрогалина Ж.А., Налимов В.В. семантика ритма: ритм как непосредственное вхождение в континуальный поток образов // Бессознательное. Природа, функции, методы исследования. – Тбилиси: Мецниереба, 1978. Т.III. – С.293-301.
6. Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., Нистратов А.А. Влияние аффекта на семантическую организацию значений // Текст как психолингвистическая реальность. – М., 1982. – С.60-80.

Прилагательные-димиутивы в романах С.Н. Есина

В.Г. Глушкова

Среди разнообразия средств художественной выразительности, признанным мастером использования которых является С.Н. Есин, существенное место занимают димиутивы. В то время как лингвистами отмечается общая тенденция снижения использования в языке уменьшительно-оценочных образований (В.К. Харченко), автор очень широко использует не только существительные-димиутивы, но и прилагательные-димиутивы, а также сочетания тех и других димиутивных форм.

Предметом настоящей работы являются встречающиеся в произведениях С.Н. Есина эпитеты, выраженные прилагательными-димиутивами: принципы их образования, особенности использования, функционирование в тексте, семантическая и стилистическая нагрузка.